

Моррисон Александр

НА ДУНГАНСКОЙ УЛИЦЕ. ГОРОД ВЕРНЫЙ КАК «ПЛЮРАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО»

Morrison Alexander

ON DUNGANSKAYA STREET. THE TOWN OF VERNYI AS A 'PLURAL SOCIETY'

Аннотация: Город Верный XIX – начала XX в. обычно рассматривается как чисто русский переселенческий или казачий город, построенный по классическому «сетчатому» плану, как центр новой переселенческой колонии в Семиречье. В этой статье предлагается по-новому взглянуть на Верный и Семиречье – как на «плюральное общество» – в соответствии с термином, заимствованным из исследований Дж.С. Фурнивалла о колониальной Юго-Восточной Азии. Расположенное недалеко от китайской границы, Семиречье видело значительную миграцию различных этнических и религиозных групп из Китая – маньчжуров, калмыков, дунган и таранчей (уйгуров), а также мусульман с территорий Русского Туркестана, таких как Фергана и Ташкент. Эти особенности нашли свое отражение в многонациональности населения и социально-политической атмосфере города, который некоторые современники сравнивали с типичными китайскими портовыми городами.

Abstract: 19th and early 20th-century Vernyi is usually seen as a Russian settler or Cossack town, laid out on a classic colonial grid pattern and the centre of a new settler colony in Semirech'e. This paper suggests a new way of looking at Vernyi and Semirech'e – as a 'plural society', a phrase taken from J. S. Furnivall's studies of Colonial South-east Asia. Located close to the Chinese frontier, Semirech'e saw significant in-migration of different ethnic and religious groups from China – Manchus, Qalmyqs, Dungans and Taranchis – as well as Muslims from other parts of Russian Turkestan such as Ferghana and Tashkent. This was reflected in Vernyi's diverse population and atmosphere, which some contemporary observers compared to that of a Chinese treaty port.

Ключевые слова: Семиречье, Верный, Китай, переселение, казаки, казахи, таранчи, дунгане.

Keywords: Semirech'e, Vernyi, China, Resettlement, Cossacks, Kazakhs, Taranchis, Dungans.

Если внимательно посмотреть на дореволюционную карту города Верного, современного Алматы, то в сетке улиц, типичной для колониального

городского планирования, в западной части города можно увидеть пятерку улиц под названиями Таранчинская, Кашгарская, Дунганская, Киргизская и Сартовская (иногда ошибочно обозначаемая как Саратовская). Судя по всему, названия эти восходят к периоду восстановления города после большого землетрясения 1887 г.¹ Они пережили революцию и просуществовали как минимум до 1936 г. – хотя последняя из перечисленных улиц стала Узбекской-Сартовской, отражая новые национальные обозначения советской Средней Азии, но сегодня большей их части вы уже не найдете. Две волны переименований – советская и постсоветская – Сартовскую превратили в проспект Сейфуллина, Киргизскую – в Амангельды, Таранчинскую – в Байтырсунова. Кашгарская сохранилась до сих пор, а Дунганскую переименовали в честь Магазы Мазанчи, дунганина из Верного, ставшего красным командиром, участником подавления восстания басмачей в Фергане. Среди названий улиц Алматы есть еще много напоминаний о сложном прошлом и космополитическом настоящем города – Гоголь, Фурманов и Розыбакиев здесь мирно соседствуют с Абылай-ханом и Толе би (ул. Фурманова в 2017 г. переименована в пр. Назарбаева. – *Ред.*), есть даже новая Дунганская улица в микрорайоне Заря Востока.

Верный был основан как русская крепость в 1854 г. на месте казахских зимних поселений (кыстау) в регионе, исторически известном как Жетысу – край семи рек, по-русски – Семиречье². Первыми поселенцами были западносибирские казаки, которые после 1867 г. образовали ядро Семиреченского казачьего войска³. Само название Верный – в дореволюционной орфографии Вѣрный, – выбранное царем Николаем I, образовывало благочестивую троицу с Надеждой (Надеждинская – современный Есик) и Любовью (Любавинская – Каскелен), подчеркивая православную принадлежность этих поселений в приграничном районе, где

преобладало мусульманское население⁴. Верный был хрестоматийным русским поселенческим городком, как Семиречье, чьей столицей он стал, было одним из основных мест поселения русских колонистов в Туркестане. Можно провести параллели с другими новоиспеченными поселениями, основанными в тот же период времени фактически на целинных землях: Мельбурн, Окленд, позднее Солсбери или Найроби – города, где доминировали белые поселенцы, считавшиеся монокультурными, хотя на самом деле их отличала расовая иерархия, сегрегация и тщательно соблюдаемые внутренние разграничения. Такие сравнения вполне могли бы пригодиться исследователю города Верного, но этническое многообразие, отраженное в названиях его улиц, предполагает альтернативный подход. В настоящей статье я намерен применить к Верному модель «плюрального общества», разработанную колониальным служащим и политическим экономистом Дж.С. Ферниваллом в ходе его исследований Юго-Восточной Азии, в особенности Бирмы, где он провел большую часть своей служебной карьеры. Фернивалл впервые сформулировал эту идею в 1942 г., когда регион, где он жил и о котором писал, наводнили японские войска: «Повсюду на тропическом Дальнем Востоке возникло плюральное общество, держащееся не на традиции или религии, а почти исключительно на стальных рамках закона – общество, где отдельные социальные структуры живут бок о бок, не смешиваясь, в пределах одной политической единицы. При таких обстоятельствах общественная жизнь внутри каждого сообщества имеет тенденцию к дезинтеграции, и единой общественной жизни не существует. Общества, в строгом смысле слова, нет»⁵.

Фернивалл полнее разработал эту концепцию в своей классической монографии 1948 года «Колониальная политика и практика. Сравнительное исследование Бирмы и Голландской Индии», где он отметил, что «плюральное общество возникает там, где экономические силы не зависят от общественной

воли», и развил идею о том, что его различные единицы не имели почти никакого или совсем никакого взаимодействия, кроме экономического, что в свою очередь привело к чрезмерно активной или бесчеловечной экономической деятельности, освобожденной от рамок общественных норм и условностей⁶. На первый взгляд использование модели Фернивалла может показаться странным, не только из-за очевидной географической, культурной и функциональной удаленности Верного от колониальных портовых городов Юго-Восточной Азии, но и потому, что, как отмечали антропологи и социологи, пытавшиеся впоследствии применить указанную концепцию, Фернивалл преувеличил разделение и отсутствие общественных контактов и связей между различными группами юго-восточных азиатских «плюральных обществ»⁷.

Однако мне кажется, эта концепция может быть полезной для понимания колониального городского общества, не укладывающегося в большинство существующих категорий. В отличие от городов в более южной части русского Туркестана, Верный не был историческим мусульманским центром, получившим новый русский квартал, с четким разграничением между ним и остальной частью. Не был он и казарменным или *новым городом* классической колониальной модели, где европейская рационализация и современность противопоставлялась «азиатскому убожеству и беспорядку»⁸.

Конечно, план-сетка, по которому в 1879 г. строился новый город рядом с первыми казачьими станицами, несомненно, напоминает американский запад, Южную Африку или Австралию, но Верный не был чисто поселенческим или чисто русским образованием. Подобно Сингапуру или Гонконгу, он возник как европейский (русский) военный форпост на периферии китайской культурной зоны, привлекая мигрантов оттуда и из других соседних азиатских регионов наряду с европейскими поселенцами. Подобно этим городам он тоже разросся, превратившись в оживленный, космополитичный город, где диаспоры из

империи Цин играли важную экономическую и культурную роль. Основное различие в том, что экономика Семиречья была главным образом основана на сельском хозяйстве, а не на торговле с дальними странами, и плодородные земли и возможность возделывать их в относительной безопасности притягивали мигрантов в период с 1854 по 1914 г.

История Семиречья и Верного под русским управлением охватывает множество миграционных потоков – и не только русских казаков и поселенцев, занимавших казахские и киргизские земли, хотя их роль чрезвычайно важна⁹, но и переселенцев из Китая и других районов Средней Азии. Эти миграции шли волнами в период с 1860-х до начала 1900-х. История, однако, начинается с создания укрепления Верное за рекой Или в 1854 г., после того как на протяжении трех лет русские войска неоднократно отправлялись в экспедиции против сил Кокандского ханства в этом регионе.

Государь Император, лично выразил свое согласие на возведение нового укрепления в урочище Алматы и Высочайше повелел назвать это укрепление «Верное»¹⁰.

Как предположил Джозеф Флетчер, стремление защитить торговый путь к Или, чье значение возросло после подписания Кульджинского трактата в 1851 г., возможно, способствовало решению создать постоянное укрепление в регионе¹¹, хотя основной причиной, судя по русским документам, было желание противодействовать кокандскому влиянию на казахов Большой Орды и киргизов¹². Генерал Г.Х. Гасфорт, губернатор Западной Сибири, поручил местному командующему М.Д. Перемышльскому при выборе места для новой крепости обратить особое внимание на наличие строительного материала и плодородной почвы, что Перемышльский и сделал, доложив, что долина между «первой и второй Алматы» (то есть между реками Большая и Малая Алматинка, как их сейчас называют) изобилует прекрасным лесом и уже пересечена

арыками (несомненно, от казахских кыстау – или зимовий), а земля пригодна для земледелия и заготовки сена¹³. Постройки нового укрепления возводились, по словам географа П.П. Семенова-Тянь-Шанского, из «великолепных бревен, прямых, как стрела, из тянь-шаньских елей, доставленных сюда из Алма-Атинской долины»¹⁴. Как минимум одна из казарм, выстроенных примерно в то время, когда он побывал здесь в 1856 г., чудом сохранилась среди развалин крепости в центре современного Алматы, позволяя нам составить некоторое представление о мастерстве строителей и о превосходном качестве древесины, – хотя уже к 1858 г. на строительство были вырублены все подходящие деревья в радиусе двух верст от укрепления¹⁵. Из такого скромного зачина вырос впоследствии город Верный и современный Алматы¹⁶.

Почти одновременно Гасфорт распорядился также о сооружении ряда новых казачьих поселений по берегам обеих Алматинок, Лепси (позже переименованного в Лепсинск) и Карабулак и вдоль тракта, ведущего от города Аягуз до нового укрепления Верное. Три с половиной сотни казаков из 6-го, 8-го и 9-го Западно-Сибирских полков были распределены по этим форпостам в качестве основного населения, и 440 крестьянских семей из Западной Сибири также добровольно вызвались туда переселиться¹⁷. Путешествуя по Семиречью пятьдесят лет спустя, граф К.П. Пален записал рассказ «старого казака»:

«Мне тогда двадцать лет было... а молодую жену пришлось оставить в станице, в Сибири. Власти велели каждой станице, по величине ее, представить столько-то молодых людей для переселения в Семиречье. Нам обещали хорошую землю, и я вместе с двадцатью сверстниками прибыл в эту станицу, на реке Или. Нынешняя молодежь и представить себе не может, с чем нам пришлось столкнуться. Нам сказали, что за три года мы должны построить столько домов и запасти столько зерна и овса до следующего урожая, чтобы хватило поселенцам числом втрое больше нас да еще их и нашим семьям.

Трудные были времена. Днем мы работали в поле, а по ночам отгоняли киргизов, пасших свой скот на наших землях и донимавших нас набегами, строили дома и копали колодцы. Десять долгих лет ушло на то, чтобы сделать жизнь терпимее»¹⁸.

В описании Верного, сделанном Семеновым-Тянь-Шанским в 1856 г., поражает, то, что лишь через два года после его основания, когда единственными постройками были казармы и дом пристава, укрепление уже привлекало русских поселенцев. То же можно сказать и о Копале, который Тянь-Шанский посетил по пути. По его словам, «что делало эти места особенно привлекательными, так это пахотные земли жителей Капала, необычайно богатые урожаем пшеницы и овса и плодородием почв. <...> Если учесть, что в те времена многие жители Капала возделывали до двадцати десятин на налогооблагаемое хозяйство, можно себе представить, какая процветающая русская колония уже существовала в Семиречье»¹⁹.

Лепсинск, Копал и Верное стали казачьими станицами, сначала Сибирского войска, а затем, после 1867 г., новообразованного Семиреченского казачьего войска, единственного в Средней Азии²⁰.

В 1858 г. Герасим Алексеевич Колпаковский (1819–1896) стал новым приставом Большой казахской орды и с 1867 г. – губернатором новой Семиреченской области и атаманом Семиреченского казачьего войска. За 31 год на этой должности он успел сделать многое, привлекая новых крестьян-переселенцев из своего родного Воронежского края (например, они привезли с собой яблоки сорта апорт, превратившиеся со временем благодаря усилиям садоводов-селекционеров в знаменитый алматинский апорт) и руководя ранним градостроительством в укреплении Верное, которое в 1867 г. стало городом и, сменив средний род на мужской, превратилось в Верный.

Однако, хотя корни Верного и других городов Семиречья – в русском завоевании и колонизации, эти новые поселения никогда не были чисто русскими и православными: с самого начала новое казачье поселение Верное отчасти зависело от зерна, выращиваемого так называемыми шалаказахами (полуказахами) – сартами из других районов Туркестана, женившихся на казашках и воспользовавшихся безопасностью от набегов, обеспеченной русским правлением, чтобы выращивать зерно на сравнительно хорошо орошаемых участках земли у подножья гор Ала-Тау²¹. Между двумя казачьими станицами с конца 1850-х гг. находилась татарская слобода с собственной мечетью, где селились и татары из России, и оседлые мусульмане с юга Средней Азии. Первыми переселенцами с сопредельных китайских территорий были немусульмане – калмыки (т.е. монголы) и маньчжуры, спасавшиеся от мусульманского восстания в Джунгарии и Таримском бассейне в 1860-х гг. За ними последовала крупнейшая волна миграции из Китая – сначала около 10 000 дунган (китаеязычных мусульман), бежавших из Кашгарии во время повторного завоевания ее Цин в 1877–1878 гг., а за ними более 50 000 таранчей (современных уйгуров), покинувших верховья Или, когда в 1881 г., после десятилетней оккупации, Российская империя вернула эту территорию Китаю²². В течение этого периода «сарты» также мигрировали в Семиречье, в основном из Ташкента и Ферганы, составив значительную долю торгового сословия в Верном и других семиреченских городах.

На ранних путешественников по Семиречью Верный производил впечатление многообразного и экзотического города; побывав в нем в 1871 г., американский консул Юджин Скайлер писал: «Именно население отличает Верный от других городов; ибо здесь представлены все расы этой части Азии, сарты, татары, киргизы, калмыки и китайцы, есть тут даже несколько афганцев. Смуглолицые калмыки с длинным косами, передвигающиеся на коровах или

быках, сразу поражают путешественника, напоминая ему, что он приближается к китайской границе; в самом деле, калмыки и китайцы составляют здесь основную рабочую силу. <...> Есть несколько китайских купцов, которые, как мне сообщили, благодаря своей расчетливости и прилежанию прибрали к рукам значительную часть местной торговли, к большому неудовольствию немного безалаберных русских»²³.

Любопытно, что Скайлер даже сравнил ломаный русский, на котором говорили китайские купцы в Верном, с гибридным английским «договорных портов»²⁴. Описание города казачьим офицером А.П. Хорошкиным, опубликованное в «Туркестанских ведомостях» в 1875 г., так похоже на свидетельство Скайлера, что, вероятно, последний бы отчасти на нем основал его: «По наружному виду г. Верный совсем русский город, если бы не его разноплеменное население, в состав которого входят, кажется, все народности, не только Семиречья, но и всего Туркестанского края: русские (между ними преобладают казаки), киргизы, татары, сарты, калмыки, китайцы, и даже несколько афганцев (*). Поэтому улицы г. Верного, по пестроте снующаго по ним люда, представляют собою очень оригинальное зрелище. Здесь скачет киргиз или калмык, там чинно идет, прикрываясь веером от солнца, китаец, тут выступает бородатый сарт или переваливает малоросс. Бабы – последних развозят по городу арбузы и дыни; калмыки верхом на быках продают дикую малину, набранную в соседних горах, выручая иногда до 3 руб. в день, и т.д. (*) Здесь не лишне заметить, что китайцы и калмыки составляют главные чернорабочие силы города Верного»²⁵.

Можно проследить постепенное возникновение здесь плюрального общества по статистике населения. В 1869 г. Колпаковский зафиксировал следующие данные о населении области, где этническая принадлежность, вероисповедание и сословие характерным образом перемешаны²⁶:

Сословие	Численность
-----------------	--------------------

«киргизы» (казахи и киргизы)	491 535
------------------------------	---------

казаки**	20 796
----------	--------

калмыки, солоны и сибо	13 183
------------------------	--------

солдаты**	5742
-----------	------

мещане*	2995
---------	------

бывшие солдаты и их семьи	1149
---------------------------	------

крестьяне**	1464
-------------	------

купцы	466
-------	-----

личные дворяне**	130
------------------	-----

потомственные дворяне**	114
-------------------------	-----

белое духовенство**	82
---------------------	----

не относящиеся ни к какому сословию	3014
-------------------------------------	------

Итого	540 674
--------------	----------------

* смешанные группы, включавшие, вероятно, немало татар и сартов.

** группы, где, можно предположить, преобладали русские.

Вероисповедание численность

мусульмане	495 779
------------	---------

православные	31 810
--------------	--------

«язычники»	11 782
------------	--------

католики	116
----------	-----

иудеи	23
-------	----

раскольники	8
-------------	---

На этот момент, через 15 лет после основания, в Верном насчитывалось примерно 10 000 человек. Оседлые группы составляли лишь 6,65% от общего населения Семиречья, и 88,47% из них были русские, но, как видно, на этом этапе калмыки (т.е. монголы), маньчжурские солоны и сибо являлись второй по численности группой поселенцев. Колпаковский описал их как временных мигрантов, ожидающих возможности вернуться в Китай, и как буддистов, составлявших, очевидно, основную массу религиозной категории «язычников». Своим существованием эта небольшая община была обязана исламскому восстанию против китайского правления, вспыхнувшему в Джунгарии и в Кашгарии в 1864 г. При первых столкновениях с Кучарскими дунганами были убиты около 1000 китайцев и 150 калмыков; большинство высокопоставленных чиновников и солдат в этом регионе были монголы или маньчжуры, а не ханьцы, и поэтому именно на эти этнические группы в первую очередь обрушился гнев повстанцев, учинивших несколько жестоких расправ – в одном только Илийском крае погибло около 12 000 маньчжур²⁷.

В результате в 1866–1867 гг. они стали в больших количествах пересекать слабо обозначенную границу с Россией. В 1868 г. почти 600 человек из тех, кто мигрировал годом ранее в Копальский уезд, были обращены в православие отцом Григорием Васильевичем Покровским в деревне Саркан, где они образовали отдельную общину²⁸. В рассказе об этих обращениях, оставленном известным миссионером, администратором и востоковедом Н.П. Остроумовым, особый упор делается на бережливость и усердный труд мигрантов, их замечательную способность к выращиванию фруктов и овощей – лука, редиски, огурцов и дынь – и к внедрению в Семиречье новых культур, таких как греча, конопля и табак, о чем еще не раз будет сказано в русских отзывах о китайских эмигрантах: «На своих огородах калмыки сеют тыкву-горлянку, кольраби, баклажаны, кукурузу, фасоль, стручковый перец, а с 1875 г. начали разводить

ягоду хуань-гуня, имеющую приятный кисловатый вкус, а из растений клеветину, зерна которой дают масло, а стебли идут на топливо. В садоводстве калмыки также не отстают от даур, солонов и сибо и с большим успехом разводят в своих садах яблони и урюковые деревья»²⁹.

Вспышка исламского восстания против правления Цин в 1864 г. послужила толчком к первой волне эмиграции из Китая в Русское Семиречье; подавление его после 1877 г. спровоцировало вторую волну. Уже в 1877–1878 гг. тысячи дунган, напуганные успехами армии Цин в покорении Кашгарии, начали перебираться на российскую территорию, где Г.А. Колпаковский и генерал-губернатор Туркестана К.П. фон Кауфман отказывались выдать их китайским властям³⁰. В 1879 г., к примеру, «Туркестанские ведомости» сообщили о прибытии на российскую территорию 300 дунган под казачьим эскортом – их поселили в деревне Каракуруз, возле Токмака (современный Масанчи на юге Казахстана)³¹.

Статья 7 Петербургского договора 1881 г. предусматривала передачу Российской империи доли западной части Илийской долины для расселения тех обитателей края, которые пожелают перейти в российское подданство после того, как территория отойдет к Китаю³². Колпаковский руководил этой операцией из Ташкента, где он исполнял обязанности генерал-губернатора Туркестана, в то время как в Семиречье его место занял генерал-майор А.Я. Фриде. Востоковед Н.Н. Пантусова привлекли к руководству группой переводчиков с тюркского, маньчжурского и севернокитайского, и была предусмотрена упорядоченная – по крайней мере, в теории – процедура, согласно которой списки желающих поселиться на российской территории составлялись бы заранее. После этого они считались бы российскими подданными, даже находясь еще на китайской земле³³.

Как отмечает Дэвид Брофи, хотя китайские историки часто заявляли, что российские военные силы заставляли таранчей покидать Илийскую долину против своей воли, нарочно опустошая ее, решение, судя по всему, было принято коллективно, под руководством богатого торговца зерном и влиятельного лица по имени Вали Бей³⁴. Боязнь репрессий со стороны Китая тоже, вероятно, сыграла свою роль, несмотря на тщетные попытки заверить местных жителей, что китайские власти объявили амнистию и что им следует остаться в Илийском крае. В 1879 г., во время переговоров о неудачном Ливадийском договоре, чиновники Министерства иностранных дел отмечали, что российские власти в Кульдже выступали против распространения китайской прокламации об амнистии, которая, во всяком случае, «произвела катастрофическое впечатление на население, которое предпочитает скорее погибнуть от руки русских, чем китайцев»³⁵. По мере приближения окончательной передачи Или в 1881 г. Фриде описывал, как 14 февраля большая толпа собралась в главной мечети Кульджи, чтобы послушать прокламацию Цин: «Шентай, объявляя третий, четвертый пункты договора говорит, что назначен принять Илийский край с землями, водами и жителями, что напрасно илийское население предпочитает русское управление китайскому ибо Богдохан всех подданных любит как детей, почему им лучше оставаться на прекрасных местах, где родились. Огромный двор мечети был переполнен мусульманами Кульджинской Тугуз-Торгауской волости... сотен и других прибывших на базар. Чтение прокламации все слушали спокойно. По окончании на вопрос Эркебуня “Поняли?” старшие почетные жители выдвинулись вперед, от лица всех ответили “Все поняли, но и теперь заявляем Вам то, что говорили ранее русским властям: все уйдем, не препятствуйте нам”. В толпе были отдельные крики “не верим объявлению”, “обман”»³⁶.

В ближайшие дни ту же картину можно было наблюдать и в других частях Илийского края – жители выражали благодарность за возможность переселиться – и пользовались ею³⁷. По словам Фриде, последние сомнения, если они и были, развеялись с прибытием китайских войск в мае 1882 г. Он опасался столкновений их с оставшимися русскими силами, и наряду с парой небольших стычек такого рода он отметил 55 отдельных случаев нападения на местное население. Благодаря Пантусову, пишет Фриде, он ознакомился с историей мусульманского восстания против китайского владычества и узнал, какое кровопролитие и ожесточение оно за собой повлекло, но он все еще надеялся, что илийские мусульмане примирятся с возвращением китайского правления. Теперь от этих надежд не осталось и следа – отсутствие дисциплины в китайской армии и слабость китайских властей не оставляли сомнения в судьбе тех, кто попадет к ним в руки. Он был уверен, что оставшаяся половина населения также мигрирует на российскую территорию³⁸.

Как показал Дэвид Брофи, в XX веке потомки именно этих переселенцев-таранчей, а не гораздо более многочисленных оседлых тюрков-мусульман Кашгарии, первыми воспользовались древним этнонимом «уйгуры» для обозначения современного националистического движения³⁹. Их появление обозначило новый важный сдвиг в демографии оседлого населения Семиречья. С прибытием таранчей некоторые области прежде преимущественно кочевого региона с небольшим количеством русских поселенцев стали превращаться в заселенные сельскохозяйственные земли. И таранчей, и дунган расселили в специальных волостях Семиреченской области, где они выбирали собственных представителей в так называемую туземную администрацию – таранчи разместились в регионе к востоку от Верного вдоль Кульджского тракта, и на недавно аннексированных приграничных территориях, образовавших Жаркентский район.

Как мы видели, первых дунганских мигрантов поселили в деревне Каракунуз Токмакского уезда, за ними последовала более многочисленная группа, размещенная в селе Мариинское Пржевальского уезда. Как и ранее маньчжурские и монгольские переселенцы, в описаниях русских современников таранчи и дунгане предстают работающими, особо отмечается их умение выращивать новые виды растений⁴⁰. Статистический отчет по Семиречью от 1882 г. отмечает: «Дунгане посеяли следующие овощи: капусту, лук, чеснок, бобы, перец, редис, морковь, укроп, щавель, анис, репу, свеклу, кольраби, картофель, арбузы, дыни, огурцы и тыквы»⁴¹. Дунгане также ввели в Семиречье культуру риса: памфлет 1898 г., призывающий к строительству железной дороги через Семиречье, отмечает, что дунгане выращивают преимущественно рис, а также сезам для производства масла⁴².

Миграция из оседлых районов Туркестана не уступала китайской. Официальная местная газета, «Семиреченские областные ведомости», публиковала сведения о подтверждении прав собственности тех, кто покупал землю в городе (полная собственность на землю в Туркестане допускалась только в городских районах – во всяком случае, официально). Многие из них не были русскими – в апреле 1889 г., например, «сарт» из Коканда по имени Ариф Жан Мухаммад Ибрагимов купил участок земли 24 x 25 саженьей на углу Иссык-Кульской и Сельской улиц в Верном⁴³. К 1892 г. годовой отчет из Семиречья давал следующие сведения о численности населения⁴⁴:

Сословие	Мужчины	Женщины	Итого
«киргизы» (казаки и – киргизы)	–	–	523 925
таранчи	28 929	22 168	51 097
крестьяне	16 251	15 051	31 302
казаки	13 491	12 527	26 018
мещане	11 167	9511	20 678
сарты, татары и другие	7746	3921	11 667
дунгане	6355	5207	11 562
солдаты и их семьи	7042	1062	8104
личные дворяне	688	–	688
потомственные дворяне	202	171	373
белое духовенство	103	–	103
черное духовенство	10	–	10
Итого:			693 592

Найти статистические данные отдельно по Верному в опубликованных источниках чрезвычайно трудно, хотя можно предположить, что в нем преобладало мещанское сословие. В 1892 г. Верненский уезд был самым густонаселенным, насчитывая 209 521 жителя – более чем в два раза больше, чем второй по размеру уезд, Копальский. Здесь также оказалось сосредоточено большинство таранчей, преобладавших в шести волостях восточной части района, вдоль Кульджжского тракта. Калмыков и маньчжуров перестали подсчитывать отдельно и отнесли их, очевидно, к «сартам, татарам и другим», хотя в отчете также отмечено, что из 139 611 кочевых кибиток 244 принадлежали калмыкам, а остальные казахам и киргизам.

К 1896 г. число жителей Верного перевалило за 36 000, из них 9988 (27%) – мусульмане. Если прибавить к ним немусульманские группы маньчжур и монголов, получится, что русские составляли лишь две трети населения города⁴⁵. Еще одна любопытная картина складывается из списков уполномоченных голосовать на выборах в городскую думу, для которых был установлен довольно высокий имущественный ценз. В 1905 г. из 475 избирателей 76 были мусульмане, а один указан как китаец (вероятно, среди мусульманских избирателей были дунгане и таранчи, то есть переселенцы или потомки переселенцев из Китая) – это говорит о том, что как минимум 16% крупных собственников в городе были нерусского происхождения⁴⁶. Однако на выборах 1905 г. лишь один из двенадцати кандидатов был мусульманин⁴⁷. В 1908 г., когда Верному уже минуло пятьдесят лет, 22,5% населения города составляли переселенцы из других областей империи, а в Семиречье в целом их доля достигала 30% всего городского населения, между тем как еще 20% жителей прибыли сюда из-за границ империи⁴⁸.

Результат таких многочисленных миграций целесообразно, на мой взгляд, рассматривать как «плюральное общество» – эти различные сообщества жили бок о бок друг с другом, между ними существовал экономический обмен, но при этом их разделяли язык, религия, образ жизни и, до некоторой степени, общественная иерархия. Казахи и киргизы составляли подавляющее большинство населения Семиречья, однако, в силу своего кочевого образа жизни, они почти отсутствовали в городах. С таранчами, сартами и татарами их объединяли религия и в какой-то мере язык, но пока оседлость не стала более распространенной в XX веке, они занимались экономической деятельностью совсем иного рода. Дунгане, таранчи, монголы и маньчжуры расселялись в разных волостях и селах – дунган, кроме того, отделял от соседей язык, а монголов и маньчжуров – и язык, и религия.

Социальная история Русского Семиречья сравнительно мало изучена, и мы пока не много знаем о том, как эти группы взаимодействовали друг с другом и с русскими, но складывается впечатление, что они образовывали преимущественно эндогамные, отдельные и самодостаточные общины. Такое общество – где взаимодействие разнообразных групп определяется главным образом рыночными отношениями – очень напоминает концепцию Фернивалла, но для проверки этого предположения потребуются гораздо более глубокие исследования, чем те, которые мне до сих пор удалось провести.

Перевод с Английского Ольги Берард

Список источников и литературы:

- Письменные источники по истории и культуре Алматы (VIII – начало XX в.) / сост.: М. Х. Абусейтова, А. К. Муминов. Алматы, 2008. 278 с.
- Букетова Н.А.* Верненские истории. Алматы, 2011. 218 с.
- Букетова Н.А.* Укрепление Верное. [Электронный ресурс] // URL: <https://vlast.kz/gorod/14411-ukreplenie-vernoe.html> (дата обращения: 05.09.2018).
- Валиханов Чокан.* Дневник поездки на Иссык-Куль [1856]. Избранные произведения / ред. А.Х. Маргулан. Алма-Ата, 1958. С. 236–286.
- Гинс Г.* Таранчи и дунгане (очерки из поездки по Семиречью) // Исторический Вестник. С. 672–708.
- Кадников В.С.* Из истории Кульджинского вопроса // Исторический Вестник. 1911. № 6. С. 894–909.
- Леденев Н.* История Семиреченского казачьего войска. Верный, 1909. 859 с.
- Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул, 2003. 346 с.
- Обзор Семиреченской области за 1892 г. Приложения к всеподданнейшему отчету Военного Губернатора. Верный, 1893.
- Обзор Семиреченской области за 1896 г. Приложения к Всеподданнейшему отчету Военного Губернатора. Верный, 1897.
- Об утверждении в правах собственности // Семиреченские Областные Ведомости. 08.04.1889. № 14.
- Остроумов Н.П.* Китайские эмигранты в Семиреченской области Туркестанского края и распространение среди них православного христианства. Казань, 1879. 117 с.

Пален К.К. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Ч. I. СПб., 1910. 419 с.

Путолов А. Как может развиваться обрабатывающая и добывающая промышленность в г. Верном и его уезде в случае соединения железной дороною Среднеазиатских владений с великим Сибирским путем через Семиречье и Алтай. Отпечат. в № 7 Об. Вед. за 1898 год. Верный, 1898.

И вздрогнула земля... Из истории землетрясений в Семиречье 1885–1912 гг. / сост. И. М. Самигулин ; ред. Б. Т. Жанаев. Алматы, 2011. 758 с.

Список лиц, имеющих право быть избирателями в выборах по городу Верному, в силу Городского Положения 12 июня 1892 г. Составлен к 1 февраля 1905 г. // Семиреченские Областные Ведомости 15.02.1905. № 13, 18.02.1905. № 14, 22.02.1905. № 15.

Список Гласных Верненской Городской Думы и кандидатов к ним на четырехлетие 1905-1909 гг. Семиреченские Областные Ведомости 16.09.1905. № 74.

Хорошкин А. Очерки Семиречья // Туркестанские ведомости. №. 6. 04.02.1875.

Brophy, David. Uyghur Nation. Reform and Revolution on the Russia-China Frontier. Cambridge MA: Harvard University Press, 2016.

Crawford, Alan. 'Imperial Russia and the Chinese Treaty Ports, 1890s – 1917'. University of Bristol Ph.D. thesis, 2013.

Fletcher, Joseph. 'Sino-Russian Relations 1800–62' Cambridge History of China. Vol. 10. Late Ch'ing 1800–1911. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. P. 318–350.

Furnivall, J.S. 'Colonial Southeast Asia – Instruction or Education?'. Pacific Affairs. Vol. 15. No. 1 (March 1942). P. 77–89.

Furnivall, J.S. Colonial Policy and Practice. A Comparative Study of Burma and Netherlands India. Cambridge: Cambridge University Press, 1948.

Gorshenina, Svetlana Asie Centrale. L'invention des frontières et l'héritage russo-soviétique. Paris: CNRS Editions, 2012.

Hsü, Immanuel C.Y. The Ili Crisis. A Study of Sino-Russian Diplomacy 1871-1881. Oxford: Clarendon Press, 1965.

Jelavich, Charles and Barbara (ed.). Russia in the East 1876–1880. Leiden: E. J. Brill, 1959.

Kim, Hodong. Holy War in China. The Muslim Rebellion and State in Chinese Central Asia, 1864–1877. Stanford: Stanford University Press, 2004.

Lee, Hock Guan. 'Review: Furnivall's Plural Society and Leach's Political Systems of Highland Burma' // Sojourn: Journal of Social Issues in Southeast Asia. Vol. 24. No. 1 (April 2009). P. 32–46.

Morrison, Alexander. Russian Rule in Samarkand 1868–1910. A Comparison with British India. Oxford: Oxford University Press, 2008.

Morrison, Alexander. 'Peasant Settlers and the Civilising Mission in Russian Turkestan, 1865–1917' // *Journal of Imperial and Commonwealth History*. Vol. 43. No. 3 (2015). P. 387–417

Paine, S.C.M. *Imperial Rivals. China, Russia, and Their Disputed Frontier*. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1996.

Rimsky-Korsakoff Dyer, Svetlana, V. Tsibuzgin & A. Shmakov 'Karakunuz: An Early Settlement of the Chinese Muslims in Russia'. *Asian Folklore Studies* 51. No. 2 (1992). P. 243–278.

Sahadeo, Jeff. *Russian Colonial Society in Tashkent 1865–1923*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2007.

Sartori, Paolo. 'Colonial legislation meets Sharī'a: Muslims' Land Rights in Russian Turkestan' *Central Asian Survey*. Vol. 29. No. 1 (2010). P. 43–60.

Semenov Tian-Shanskii, P.P. *Travels in the Tian-Shan 1856–1857* ed. Colin Thomas. London: The Hakluyt Society, 1998.

Schuyler, Eugene. *Turkistan: Notes of a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara, and Kuldja*. London: Sampson, Low & Marston, 1876. 2 Vols.

Pahlen, K.K. *Mission to Turkestan. Being the Memoirs of Count K. K. Pahlen* ed. Richard Pierce & trans. N. J. Couriss. London: Oxford University Press, 1964.

Voskressenski, Alexei D. *The Sino-Russian St Petersburg Treaty of 1881: Diplomatic History*. Commack, NY: Nova Science Publishers, 1996.

¹ Разрушительные последствия этого и других землетрясений в XIX – начале XX в. в Семиречье описаны в документах, опубликованных в сборнике «И вздрогнула земля... Из истории землетрясений в Семиречье 1885–1912 гг.» (Алматы, 2011). В частности, о землетрясении 28 мая 1887 г. см. отчет губернатора А.Я. Фриде от 16.05.1887 о положении в Верном и статью Н. Мордвинова «Землетрясения в Семиреченской области» в «Туркестанских ведомостях» от 16.05.1887; *Певцов М.* Заметка о землетрясениях 1885 и 1887 гг. в Семиреченской области // *Русский инвалид*. 1887 № 120; *Туркестанский сборник*. Т. 425 С. 85–87. Т. 461 *Туркестанского сборника* также содержит многочисленные вырезки о землетрясении 1887 г.

² Думаю, не стоит серьезно относиться к информации о тысячелетней родословной города, представленной в некоторых современных публикациях в Казахстане, – место, где был основан Верный, давно было известно под названием «Алматы» или «Алмалы», но никаких городских поселений на этом месте ранее не было. См.: *Письменные источники по истории и культуре Алматы (VIII – начало XX в.)* / сост.: М. Х. Абусейтова, А. К. Муминов. Алматы, 2008. С. 16–20.

³ *Леденев Н.* История Семиреченского казачьего войска. Верный, 1909. С. 108–109.

⁴ 13 Historic Maps of Verny, Alma-Ata, and Almaty. [Electronic resource] // URL: <http://www.walkingalmaty.com/13-historic-maps-of-verny-alma-ata-and-almaty.html> (дата обращения: 05.09.2018).

⁵ J. S. Furnivall. 'Colonial Southeast Asia – Instruction or Education?' *Pacific Affairs*. Vol.15. No. 1 (March 1942). P. 82.

⁶ *Furnivall J.S.* Colonial Policy and Practice. A Comparative Study of Burma and Netherlands India (Cambridge: Cambridge University Press, 1948). P. 302–312.

⁷ *Hock Guan Lee.* ‘Review: Furnivall's Plural Society and Leach's Political Systems of Highland Burma’ Sojourn: Journal of Social Issues in Southeast Asia. Vol. 24. No. 1 (April 2009). P. 32–46.

⁸ *Jeff Sahadeo.* Russian Colonial Society in Tashkent 1865–1923 (Bloomington, IN: Indiana University Press, 2007) P. 85–87; *Morrison A.S.* Russian Rule in Samarkand 1868–1910. A Comparison with British India (Oxford: Oxford University Press, 2008) P. 23.

⁹ Некоторые аспекты этого вопроса я разбирал в других публикациях: *Alexander Morrison.* ‘Peasant Settlers and the Civilising Mission in Russian Turkestan, 1865–1917’ // Journal of Imperial and Commonwealth History. Vol. 43. No. 3 (2015). P. 387–417.

¹⁰ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) Ф.1449. Оп.1 Д.3 л. 1.

¹¹ *Joseph Fletcher.* ‘Sino-Russian Relations 1800–62’. Cambridge History of China. Vol. 10. P. 331.

¹² Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГАРК). Ф.3. Оп.1 Д.7 л. 68.

¹³ Там же. Л.69 об., 71.

¹⁴ *Semenov Tian-Shanskii P.P.* Travels in the Tian-Shan 1856–1857 ed. Colin Thomas. London: The Hakluyt Society, 1998. P. 72.

¹⁵ ЦГАРК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 39; К маю 1867 г., вскоре после посещения Семенова Тянь-Шаньского, три деревянных барака были уже построены в укреплении Верном; ЦГАРК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 352. Л. 2 об.

¹⁶ Н.А. Букетова («Верненские истории». Алматы, 2011) проливает свет на развитие города в поздний имперский период в пяти исторических зарисовках, в частности, об удивительной судьбе француза Поля Гурде, ставшего городским архитектором Верного в 1870–1880-х гг. См. также ее прекрасную статью о строительстве укрепления Верное с архивными планами: *Букетова Н.А.* Укрепление Верное. [Электронный ресурс] // URL: <https://vlast.kz/gorod/14411-ukreplenie-vernoe.html> (дата обращения: 05.09.2018).

¹⁷ РГВИА. Ф. 1449. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–2 об., 38–39; Подробный отчет об основании этих и других поселений вдоль тракта между г. Аягуз и Алматы см.: *Леденев Н.* История Семиреченского казачьего войска. С. 97–119.

¹⁸ *Pahlen K.K.* Mission to Turkestan. Being the Memoirs of Count K. K. Pahlen ed. Richard Pierce & trans. N. J. Couriss (London: Oxford University Press, 1964). P. 177.

¹⁹ *Semenov Travels.* P. 54, 59.

²⁰ *Леденев Н.* История Семиреченского казачьего войска. С. 199

²¹ *Semenov Tian-Shanskii.* Travels. P. 61–64.; *Чокан Валиханов.* Дневник поездки на Иссык-Куль [1856]: Избранные произведения / ред. А.Х. Маргулан. Алма-Ата, 1958. С. 237–238.

²² О так называемом «Илийском кризисе» см. Immanuel C. Y Hsü The Ili Crisis. A Study of Sino-Russian Diplomacy 1871–1881. Oxford: Clarendon Press, 1965; S. C. M. Paine Imperial Rivals. China, Russia, and Their Disputed Frontier. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1996. P. 107–174; *Мусеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул, 2003.; *Svetlana Gorshenina.* Asie Centrale. L’invention des frontières et l’héritage russo-soviétique. Paris: CNRS Editions, 2012. P. 95–132.

²³ Eugene Schuyler Turkistan: Notes of a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara, and Kuldja. London: Sampson, Low & Marston, 1876. Vol. II. P. 143.

²⁴ Россия получит собственные договорные порты в Ханькоу и Тяньцзинь значительно позже, после 1896 г. – См. прекрасное исследование Alan Crawford ‘Imperial Russia and the Chinese Treaty Ports, 1890s – 1917’. University of Bristol Ph.D. thesis, 2013.

²⁵ *Хорошкин А.* Очерки Семиречья // Туркестанские ведомости. 1875. № 6. С. 22–23.

-
- ²⁶ Колпаковский Г.А. Годовой отчет Семиреченского военного губернатора о состоянии вверенной ему области за 1869 год. Национальная библиотека им. Навои, Ташкент: отдел редких книг МС No. Пу3853. Л. 1 об.–2.
- ²⁷ Hodong Kim Holy War in China. The Muslim Rebellion and State in Chinese Central Asia, 1864–1877. Stanford: Stanford University Press, 2004. P. 3, 15–16, 35–36, 56, 71.
- ²⁸ Остроумов Н.П. Китайские эмигранты в Семиреченской области Туркестанского края и распространение среди них православного христианства. Казань, 1879. С. 46–51.
- ²⁹ Там же. С. 63.
- ³⁰ Кадников В.С. Из истории Кульджинского вопроса // Исторический Вестник. 1911. № 6. С. 902–904.
- ³¹ «Из Верного» // Туркестанские ведомости. 1879. № 34, в Туркестанском сборнике. Т. 245. С. 157–160; см. далее Svetlana Rimsky-Korsakoff Dyer, V. Tsibuzgin & A. Shmakov 'Karakunuz: An Early Settlement of the Chinese Muslims in Russia' Asian Folklore Studies 51. 1992. No. 2. P. 243–278.
- ³² Alexei D. Voskressenski. The Sino-Russian St. Petersburg Treaty of 1881: Diplomatic History. Commack, NY: Nova Science Publishers, 1996. P. 163.
- ³³ ЦГАРК. Ф. 21. Оп. 1. Д. 691. Л. 37–40.
- ³⁴ David Brophy. Uyghur Nation. Reform and Revolution on the Russia-China Frontier. Cambridge MA: Harvard University Press, 2016. P. 67–70.
- ³⁵ Charles and Barbara Jelavich (ed.) Russia in the East 1876–1880. Leiden: E. J. Brill, 1959. P. 94.
- ³⁶ ЦГАРК. Ф. 21. Оп. 1. Д. 691. Л. 169.
- ³⁷ Там же. Л. 182–183 об.
- ³⁸ Там же. Л. 254–259, 268–280, 282 об.
- ³⁹ Brophy. Uyghur Nation. P. 2–7.
- ⁴⁰ Гинс Г. Таранчи и Дунгане (очерки из поездки по Семиречью) // Исторический Вестник. С. 672–708.
- ⁴¹ Обзор Семиреченской области за 1892 г. Приложения к Всеподданнейшему отчету Военного Губернатора. Верный, 1893. С. 12.
- ⁴² Путолов А. Как может развиваться обрабатывающая и добывающая промышленность в г. Верном и его уезде в случае соединения железной дороною Среднеазиатских владений с великим Сибирским путем через Семиречье и Алтай. Отпечат. в № 7 Об. Вед. за 1898 год. Верный, 1898. С. 11–12, 20–21.
- ⁴³ Об утверждении в правах собственности // Семиреченские Областные Ведомости 08.04.1889. № 14; о сложностях прав собственности в Туркестане см.: Paolo Sartori. 'Colonial legislation meets Sharī'a: Muslims' Land Rights in Russian Turkestan' Central Asian Survey. Vol. 29. 2010. No. 1. P. 43–60.
- ⁴⁴ Обзор Семиреченской Области за 1892 г. С. 1–3.
- ⁴⁵ Обзор Семиреченской области за 1896 г. Приложения к Всеподданнейшему отчету Военного Губернатора Верный, 1897. С. 3.
- ⁴⁶ Список лиц, имеющих право быть избирателями в выборах по городу Верному, в силу Городского Положения 12 июня 1892 г. Составлен к 1 февраля 1905 г. // Семиреченские Областные Ведомости 15.02.1905. № 13, 18.02.1905. № 14, 22.02.1905. № 15.
- ⁴⁷ «Список Гласных Верненской Городской Думы и кандидатов к ним на четырехлетие 1905–1909 гг.» Семиреченские Областные Ведомости 16.09.1905. № 74.
- ⁴⁸ Пален К.К. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Ч. I. СПб., 1910. С. 59–61.